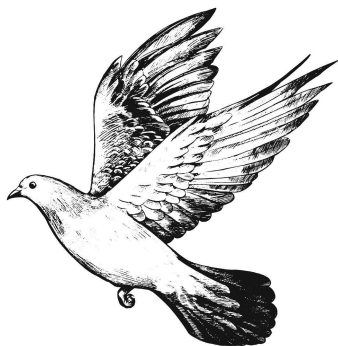

Посвящается Тазаре

1

Кенна

На краю дороги из земли торчит небольшой деревянный крест с написанной на нем датой смерти.

Скотти бы это не понравилось. Готова поспорить, крест ставила его мать.

— Можете остановиться на обочине?

Таксист притормаживает и останавливается. Я вылезаю из машины и подхожу к кресту. Раскачиваю из стороны в сторону, пока земля не поддается, а потом вытаскиваю.

Он что, умер вот на этом самом месте? Или еще на дороге?

Я не особо следила за деталями во время предварительного следствия. Услышав, что он прополз несколько метров от машины, я начала мычать, чтобы не слышать больше ничего из того, что говорил прокурор. А потом, чтобы избавиться от выслушивания всех подробностей, если дело перейдет в суд, я признала себя виновной.

Потому что технически я и была виновна.

Может, я и не убивала его своими действиями, но своим бездействием точно убила.

Скотти, я думала, что ты умер. Но мертвые не ползают.

Держа крест, я возвращаюсь к машине. Пристраиваю его рядом с собой на заднем сиденье и принимаюсь ждать, когда водитель вернется на дорогу, но он не двигается с места. Я смотрю на него в зеркальце, а он пялится на меня, подняв брови.

— Как по мне, красть придорожные памятники плохо для кармы. Вы уверены, что хотите забрать его?

Отвернувшись в сторону, я вру:

— Да. Это я тут его поставила. — Я все еще чувствую, как он пялится на меня, пока вырывает обратно на дорогу.

Моя новая квартира всего в пяти километрах отсюда, но в другую сторону от места, где я жила раньше. У меня нет машины, так что я решила найти жилье поближе к центру, чтобы ходить на работу пешком. Если я вообще найду работу. С моей историей и отсутствием опыта это будет нелегко. А если верить водителю, у меня, выходит, еще и карма плохая.

Может, кража памятника Скотти и испортит мне карму, но с другой стороны, ставить крест парню, который не раз говорил, как ненавидит придорожные памятники, тоже не самая благородная затея. Именно поэтому я и заставила водителя заехать сюда. Я знала, что Грейс наверняка поставит что-то на месте аварии, и считала, что должна убрать это ради Скотти.

— Карта или наличные? — спрашивает таксист.

Взглянув на счетчик, я вытаскиваю из сумки деньги и чаевые и, когда водитель останавливается, протягиваю ему. Потом беру чемодан и только что украденный деревянный крест, выхожу из такси и направляюсь к дому.

Напоминание о нем

Моя новая квартира находится не в крупном жилом комплексе. Это отдельно стоящее здание, с одной стороны от которого заброшенная парковка, а с другой — супермаркет. Окно внизу забито фанерой, все вокруг замусорено пивными банками разной степени помятости. Я откидываю ногой с дороги одну из них, чтобы она не застряла между колесами чемодана.

Жилье выглядит еще хуже, чем на картинке в интернете, но я чего-то такого и ожидала. Хозяйка даже не спросила моего имени, когда я позвонила с вопросом, есть ли свободные квартиры. Она сказала только:

— Свободные всегда есть. Приносите наличные. Я живу в первой квартире. — И повесила трубку.

Я стучусь в первую квартиру. Дверь открывается, и в проеме появляется крошечная пожилая женщина. Она кажется раздраженной. В волосах у нее бигуди, нос измазан в помаде.

— Что бы вы ни продавали, мне ничего не надо.

Я пялюсь на помаду, на то, как она забилась в складки морщин вокруг рта.

— Я звонила вам на той неделе насчет квартиры. Вы сказали, у вас есть свободные.

На ее сморщенном лице мелькает припоминание.

Оглядев меня сверху донизу, она хмыкает:

— Не ожидала, что вы такая.

Я не понимаю, что она имеет в виду. Она отходит от двери, и в это время я оглядываю свои джинсы и футболку.

Она возвращается с небольшим кошельком на молнии.

— Пять пятьдесят в месяц. Плата за первый и последний — на месте.

Отсчитав деньги, я протягиваю их ей.

— И никакого договора?

Она смеется, убирая деньги в кошелек.

— Твоя квартира — шестая. — Она указывает пальцем вверх. — Это прямо надо мной, так что давай там потише. Я рано ложусь.

— А что включено в плату?

— Вода и мусор, электричество — за твой счет. Оно включено — у тебя три дня, чтобы перевести его на свое имя. Депозит электрической компании — 250 баксов.

Черт. У меня три дня, чтобы найти 250 баксов? Я начинаю было сомневаться в своем решении вернуться сюда так быстро, но, когда закончился период моего временного содержания, у меня оставалось два варианта — потратить все деньги, стараясь выжить в том городе, или проехать шестьсот километров и потратить их в этом.

И я предпочла оказаться в городе, где жили все люди, связанные со Скотти.

Женщина отступает в свою квартиру.

— Добро пожаловать в «Райские апартаменты». Когда устроишься, принеси тебе котенка.

Я быстро упираюсь в дверь рукой, чтобы она не закрыла ее.

— Погодите. Что? Котенка?

— Ну да, *котенка*. Это как кошка, только меньше.

Я отступаю на шаг, как будто это может спасти меня от того, что она говорит.

— Нет, спасибо. Я не хочу котенка.

— У меня лишние.

— Я не хочу котенка, — повторяю я.

— Кто может не хотеть котенка?

— Я.

Она фыркает, как будто услышала нечто совершенно нелепое.

Напоминание о нем

— Сделаем так, — говорит она. — Я оставлю на себе электричество еще на две недели, если возьмешь котенка. — *Что за чертовщина тут происходит?* — Так и быть, — говорит она, восприняв мое молчание как своего рода тактику в переговорах. — *Месяц.* Ты берешь котенка, а я оставляю на себе электричество на целый месяц. — Она удаляется в квартиру, но оставляет дверь открытой.

Я вообще не хочу котенка, но возможность сэкономить 250 долларов на плате за электричество в этом месяце стоит даже нескольких котят.

Она появляется снова с мелким черно-рыжим котенком в руках. И сует его мне.

— Вот он. Если что надо, меня зовут Рут, но лучше, чтобы тебе ничего не понадобилось. — И снова пытается закрыть дверь.

— Погодите. Подскажите, а где можно найти телефон-автомат?

Она хмыкает:

— Ну, где-то в 2005 году. — И захлопывает дверь.

Котенок мяукает, что звучит совсем не мило, а скорее напоминает крик о помощи.

— Полностью поддерживаю, — бормочу я.

Я бреду к лестнице со своим чемоданом и своим... котенком. Может, надо было все же подождать несколько месяцев, прежде чем возвращаться сюда. Я сумела скопить чуть больше двух тысяч, но большая часть ушла на переезд. Что, если я не смогу сразу найти работу?

А теперь мне еще навязали ответственность за котенка.

Моя жизнь стала вдесятеро труднее, чем вчера.

Я поднимаюсь в квартиру. Котенок цепляется за мою футболку. Вставив ключ в замок, я с трудом проворачиваю его и налегаю на дверь, чтобы она открылась. Когда дверь

в мою новую квартиру распахивается, я задерживаю дыхание, боясь, чем оттуда пахнёт.

Повернув выключатель, я оглядываюсь, медленно выдыхая. Никаких особых запахов не чувствуется. Это и хорошо, и плохо.

В гостиной стоит диван и больше практически ничего нет. Небольшая гостиная, кухонька еще меньше, никакой столовой. Никакой спальни. Квартира без излишеств, со шкафом и крошечной ванной комнатой, где унитаз касается самой ванны.

Настоящая дыра. Пятидесятиметровая дыра, но для меня и она — шаг вперед. Я прошла от житья с соседкой в десятиметровой камере ко временному содержанию с шестью соседками, а теперь у меня своя собственная пятидесятиметровая квартира.

Мне двадцать шесть лет, и я впервые официально живу где-то совсем одна. Это освобождает и пугает одновременно.

Не знаю, смогу ли я через месяц все еще позволить себе такое жилье, но я буду стараться. Даже если для этого придется искать работу в каждом месте, мимо которого я буду проходить.

Собственная квартира может помочь мне, когда я буду ходатайствовать перед Ландри. Это покажет, что я теперь независима. Даже если за эту независимость мне предстоит бороться.

Котенок хочет на пол, и я отпускаю его в гостиной. Он бредет по квартире, плача о том, что оставил там, внизу. Мне становится до боли жалко его, когда я смотрю, как он тычется по углам в поисках выхода. Ищет, как попасть домой. К матери и братьям с сестрами.

Напоминание о нем

Со своей черно-оранжевой пятнистой шкуркой он походит на шмеля или на что-то, оставшееся после Хеллоуина.

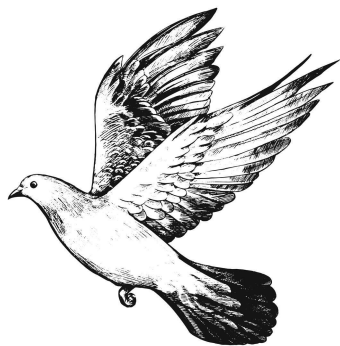
— Как же нам тебя назвать?

Я знаю, что, скорее всего, ему придется провести без имени несколько дней, пока я буду размышлять. Я очень серьезно подхожу к выбору имен. Когда я в последний раз должна была кого-то назвать, я подошла к этому серьезнее, чем ко всему на свете до того. Может, потому, что всю свою беременность я просидела в камере, где было больше нечего делать, кроме как выбирать имя для ребенка.

Я выбрала имя Диэм, потому что знала — как только меня выпустят, я вернусь и сделаю все, что в моих силах, чтобы найти ее.

И вот я здесь.

Carpe Diem.

2

Леджер

Я паркую свой грузовик на стоянке позади бара и только сейчас замечаю яркий лак на ногтях своей правой руки. *Вот черт.* Я и забыл, что вчера вечером играл в переодевания с четырехлетней.

Ну, по крайней мере, бордовый цвет подходит к моей рабочей рубашке.

Когда я вылезая из кабины, Роман как раз выкидывает в помойку мешки с мусором. Увидев у меня в руках подарочный пакет, он понимает, что это для него, и протягивает руку.

— Дай угадаю. Это кофейная кружка? — Он заглядывает внутрь.

Это кружка. Как всегда.

Он не благодарит. Как всегда.

Мы никогда не обсуждаем, что эти кружки символизируют трезвость, но я каждую пятницу покупаю ему еще одну. И это уже девяносто шестая кружка.

Наверное, мне пора бы перестать, потому что у него этих кружек уже полным-полно, но мне уже поздно сдаваться.

Он не пьет уже без малого сто недель, и я уже некоторое время присматриваюсь к сотой, знаменательной кружке. Это будет кружка с «Денвер Бронко». Его самой нелюбимой командой.

Роман указывает на заднюю дверь бара.

— Там пара человек донимает остальных клиентов. Пригляди за ними.

Это странно. Обычно в такое раннее время не приходится иметь дело с беспорядками. Еще и шести-то нет.

— Где они сидят?

— Возле музыкального автомата. — Он смотрит на мою руку. — Отличный маникюр, дружище.

— Скажи? — Я вытягиваю ладонь и шевелю пальцами. — Для четырехлетки у нее неплохо получилось.

Я открываю заднюю дверь, и на меня обрушиваются звуки моей любимой песни, которую орут из динамиков Ugly Kid Joe.

Да не может быть.

Я прохожу в бар через кухню и тут же вижу их, склонившихся над автоматом. Я тихо подхожу сзади и смотрю, как она снова и снова нажимает те же четыре цифры. Они хихикают, как непослушные дети, а я гляжу поверх их голов на экран. «Кошка в колыбели» стоит в очереди на проигрывание тридцать шесть раз подряд.

Я откашливаюсь.

— Думаете, это смешно? Заставлять меня слушать одну и ту же песню шесть часов кряду?

Услышав мой голос, отец поворачивается ко мне.

— Леджер! — Он притягивает меня, чтобы обнять. От него пахнет пивом и машинным маслом. И, кажется, лаймом? *Они что, напились?*

Моя мать отступает от автомата.